

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ИНТЕГРАЦИИ ОБЩЕСТВА (ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА)

АННОТАЦИЯ

В статье раскрывается значение конфессиональной сферы общества для его единства. Дается характеристика таких понятий как конфессия, веротерпимость, межконфессиональные и церковно-государственные отношения и др. Сформулированы рекомендации общественности и государственным органам для проведения политики и поведения в этой сфере.

Ключевые слова: конфессия; веротерпимость; межконфессиональные и церковно-государственные отношения; «симфония»; «терпимые конфессии».

INTERFAITH TOLERANCE AS THE INTEGRATION TOOL OF SOCIETY (FROM THE HISTORICAL BACKGROUND)

GALANOV M. M.

ABSTRACT

In article value of the confessional sphere of society for his unity reveals. The characteristic of such concepts as faith, toleration, the interfaith and church and state relations, etc. is given. Recommendations of the public and to public authorities for carrying out policy and behavior in this sphere are formulated.

Keywords: faith; toleration; interfaith and church and state relations; "symphony"; "tolerant faiths".

На нынешнем этапе исторического развития, в эпоху глобализации, очень актуальными остаются проблемы единства российского общества. В этой связи становится особо важным изучение истории различных конфессий, в том числе католиков и униатов, на территории России.

Политизированный подход к исследованию истории данных конфессий, характерный для России и рассматривающий их существование как нарушение традиций и угрозу национальной безопасности страны имел следствием тот факт, что история католичества и униатства стала темой для политико-идеологических спекуляций, что не способствовало её объективному научному изучению.

При этом на практике легитимное церковно-государственное партнерство сложно реализуемо и властными структурами, и религиозными организациями, имеет место вполне понятный крен в сторону сотрудничества государства с РПЦ, что ставит католиков и униатов в неравное положение и не адекватно их роли в жизни общества. Поэтому сегодня необходимо решать задачу воспитания в обществе толерантного сознания. Один из путей решения этой задачи

– проведение объективных исследований по историко-религиоведческой тематике.

Ф. Г. Овсиенко и Н. А. Трофимчук так определяли сущность государственно-церковных отношений: это «совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязей между институтами государства и институциональными религиозными образованиями...одна из составных частей внутренней и внешней политики государства. В основе государственно-церковных отношений лежат законодательно закрепленные представления о месте религии и церкви в жизни общества, их функциях, сферах деятельности и компетенции всех субъектов этих отношений» [1, с.5].

По мнению С. Н. Бокарева, под «государственно-церковными отношениями... понимаются исторически складывающиеся и изменяющиеся связи между институтами государства и различными религиозными объединениями, которые базируются на законодательно закрепленных политико-правовых представлениях о роли и месте государства, религии и церкви в обществе» [2, с.12].

Со слов С.В.Джораевой, «говоря о взаимо-

отношениях церкви и государства, необходимо иметь в виду, что мы подразумеваем под этими отношениями внерелигиозные связи, то есть нерелигиозные отношения институциональных религиозных субъектов применительно к экономической, политической и государственной деятельности» [3, с.9].

Как писал историк А. В. Гаврилин, «Историческая Церковь существует в пределах определенного государства и вынуждена следовать законам этого государства, живет среди определенного народа и напрямую связана с его историей и бытом... Существовая в государстве, центральное управление Церкви всегда испытывало сильнейшее давление со стороны структур государственной власти. Получая от государства возможность откровенного исповедания своей веры, церковное руководство одновременно попадало в зависимость от государства и было вынуждено идти на условия, которые государство ей диктовало... Таким образом, рассматривая положение Церкви в обществе, невозможно обойтись без анализа взаимоотношений Церкви и структур государственной власти...» [4, с.6].

Исходя из представлений об идеале отношений между церковью и государством, а также из исторических и культурных особенностей того или иного государства, можно говорить о трех основных формах их взаимодействия:

1. В западных частях Римской империи, где исторически государство присваивало себе власть и многие функции церкви, сложилась такая форма, как цезарепапизм. Такие отношения своими корнями уходят в языческую культуру Древнего мира (к примеру, в Египте фараон был главой государства и одновременно верховным жрецом, или божеством; в Спарте, Риме верховные жрецы были и царями). В сегодняшнем мире цезарепапизм в христианских государствах наиболее ярко проявляет себя в протестантских странах (Великобритании, Швеции, Дании, Греции), где сохраняют одну или более государственных церквей.

2. Другая форма предполагает, напротив, подчинение государства религиозным учреждениям. При данном типе отношений самостоятельная государственная власть практически отсутствует. В христианских государствах такая

форма правления известна под названием папоцезаризм. Она характерна для католических государств, в которых папа, римский первосвященник, является обладателем не только церковной, но и государственной власти (а также для ряда исламских государств, где главный священнослужитель выше светских властей).

3. В Византии в VI в. н.э. сформировался принцип симфонии во взаимоотношениях церкви и государства. Суть симфонии – обоюдное сотрудничество, взаимная поддержка и взаимная ответственность без вторжения одной стороны в исключительную компетенцию другой [5, с.21-22]. «Принцип симфонии есть принцип взаимной свободы; каждая из сил живет своей жизнью, но так, что от одновременного их звучания получается симфония, аккорд. Однако если обе стороны взаимно свободны, то это вовсе... не означает какой-то всецелой их отдельности. Для государства Церковь есть часть его жизни, его совесть, его творческая сила, а для Церкви государство есть внешнее историческое оформление жизни того самого народа (или народов), который входит в Церковь», – так объясняет этот принцип православный философ В.В. Зеньковский [6, с.542].

Симфония – обоюдное сотрудничество, взаимная поддержка и взаимная ответственность без вторжения одной стороны в сферу исключительной компетенции другой. Государство при симфонических отношениях с церковью ищет у нее моральной поддержки, молитвы за себя и благословения на свою деятельность, взамен обеспечивая церкви максимально благоприятные условия существования. Симфония – идеал церковно-государственных отношений, специфическое явление культуры, возможный лишь в христианском государстве с единственной государственной религией [5, с.39].

В любом государстве выстраивание церковно-государственных отношений происходит с разными конфессиями. Под конфессией в современной литературе понимают объединение верующих, придерживающихся определенного вероисповедания [7, с.270]. В то же время с неизбежностью возникают и межконфессиональные отношения – «взаимоотношения между разными религиозными течениями и направ-

лениями, которые определяют особенности и характер их деятельности в церковно-догматической, экономической, политической сферах религиозной и общественной жизни. Они регулируются религиозными представлениями, настроениями, действиями и зависят от них. Как правило, межконфессиональные отношения сводятся к толерантности и веротерпимости, религиозной нетерпимости и конфликтным ситуациям» [8, с.118].

Главным же в межконфессиональных отношениях, как считает автор, являются не столько канонические расхождения (хотя они объективно существуют). «Межконфессиональные отношения – это лишь превращенная форма споров из-за материально-культового интереса, с чем неразрывно связан тезис престижа и статуса той или иной конфессии в обществе. Этот статус определяется политическими, национальными факторами, а также отношениями на богословско-иерархическом уровне» [8, с.120].

Конфессиональное пространство современной России чрезвычайно насыщено, многообразно и разнородно. Только в Государственном реестре Министерства юстиции на 1.01.2001 зарегистрировано 20215 религиозных организаций, представляющих около 60 конфессий, церквей и религиозных направлений. К РПЦ относятся 10912 объединений, 258 имеется у РКЦ и 5 – у греко-католической церкви [9, с.14, 23].

Невзирая на подавляющее преимущество, в кругах православной общественности постоянно высказывается тревога по поводу деятельности в стране других конфессий. Звучат обвинения в прозелитизме, в посягательстве на каноническую территорию РПЦ, раздаются призывы к власти запретить или ограничить деятельность других конфессий.

Следует признать, что конкуренция между конфессиями в борьбе за влияние на общество и за привлечение паствы действительно существует и существовала всегда. Однако РПЦ позитивно утверждает себя самой в обществе, мирное распространение своего вероучения, идеалов и достоинств на практике часто подменяет борьбой с другими конфессиями, ожесточенной полемикой с ними и желанием их дискредитировать. В то время как православие

имеет все возможности для откровенного диалога и достойной полемики с другими конфессиями [9, с.25-27].

Проводимая государством вероисповедная (конфессиональная) политика свидетельствовала о том, что оно не создало единый, стройный механизм регулирования отношений как с Православной церковью, так и с другими вероисповедными объединениями, которые действовали на территории Российской империи. Не были сформулированы четкие установления в отношении различных конфессий. Можно утверждать, что российская государственная вероисповедная политика носила «синусоидный» характер [10, с.32].

Конфессиональную политику России, как считает А.Ф. Гавриленков, нельзя представлять как политику последовательного ущемления инославных и иноверных исповеданий в правах и принуждения их к слиянию с православным населением и отказу от своей веры. Государство реально обеспечивало иноверцам возможность исповедывать свою веру и исполнять культовые обряды.

Общий вектор развития вероисповедной политики империи, по его мнению, составляла тенденция к расширению веротерпимости, служившей средством интеграции в состав страны новых наций и народностей. Веротерпимость, вместе с тем, не означала правового равенства конфессий. У каждой конфессии имелся свой объем прав, привилегий и ограничений.

Признавая непоследовательность вероисповедной политики российской власти, её ошибки и просчеты, всё же нельзя отрицать, что эта политика давала возможность жить в мире и согласии последователям всех религиозных исповеданий. В конце концов, в нашей стране никогда не было «религиозных войн» [10, с.33-34].

Особое мнение в научной литературе по поводу конфессиональной политики принадлежит М. Д. Долбилову: «Имперский конфессионализм предполагал – в идеале – снисходительное отношение властей к неправославным конфессиям при условии их большей или меньшей открытости прямому административному контролю и выполнения их духовными лицами ряда предписанных функций» [11, с.43].

Стержнем, или ядром, любых межконфессиональных отношений и межконфессиональной политики является понятие веротерпимости и её степень. В. Даль трактовал её как свободу иноверцам исповедывать свою веру [12, с.333]. К. К. Арсеньев считал, что «веротерпимость, по самому смыслу этого слова, предполагает отсутствие преследований за веру, отсутствие ограничений и стеснений, обуславливаемых вероисповедными различиями» [13, с.271].

Проблему веротерпимости в Российской империи ставил в конце XIX века оставшийся, к сожалению, безымянным, автор «Исторического очерка управления и деятельности Римско-Католической Духовной Коллегии». Он писал: «Принцип полной веротерпимости...был положен в основу всех распоряжений Правительства, касающихся устройства и управления Римско-Католической церкви в России...Предоставляя иноверцам свободно исповедывать свою религию, Правительство озабочивалось лишь об ограждении интересов православия и политики от влияния духовных лиц других исповеданий...» [14, л.1].

Современный исследователь С. А. Лукьянов считает, что «главным принципом межрелигиозного (межконфессионального) диалога является принцип толерантности, под которым в данном случае понимается терпимое отношение последователей одной религии к последователям иных религиозно-конфессиональных общностей... Именно веротерпимость являлась основой стабильного, процветающего общества...» [15, с.5-6].

Россия всегда была многонациональным и поликонфессиональным государством. При этом свободой веры пользовались все подданные разных национальных вероисповеданий, однако пределы этой свободы устанавливала определенная иерархия. К некоторым религиозным объединениям было терпимое отношение при лишении привилегий, а некоторые общины преследовались. Проблему веротерпимости на материале Российской империи конца XIX–начала XX вв. плодотворно разрабатывал А. Ю. Бендин.

По его мнению, при «изучении истории сложных государственно-конфессиональных отношений...следует обратить особое внимание

на такой термин, как «веротерпимость»... Веротерпимость – это иерархически выстроенная легитимация религиозных различий, существовавших между народами, вошедшими в состав Российского государства» [16, с.22-23].

Автор утверждает, что на её базе создавалась институционализация неправославных этнических сообществ империи в системно организованную иерархию конфессий, наделяя их правовым статусом «терпимых». Основными критериями терпимости «иностранных» конфессий являлась традиционность, легальность происхождения и этнический характер. Все терпимые конфессии делились на высшие – христианские (инославные) и низшие – нехристианские (иноверные). Различия в объеме религиозных прав, существовавшие внутри иерархии объектов веротерпимости, сочетались с равенством всех «иностранных» конфессий перед законом [16, с.22-23].

В рамках института веротерпимости, по мнению Бендина, особое место занимали взаимоотношения, которые складывались в этот период между государством, «господствующим православием» и «терпимой» Римско-католической церковью. Правовое регулирование отношений правительства с Римско-католической церковью испытывало на себе давление различных факторов – политического, этнического и конфессионального. Поэтому правительство, в зависимости от указанных обстоятельств, вынуждено было либо ограничивать, либо расширять действие законов о веротерпимости в отношении католического клира и его паствы [16, с.4].

Ареной наиболее острого противоборства католичества с имперским режимом, как представляется Бендину, являлись западные окраины Российской империи. Ни одна из конфессий, из числа традиционно там существовавших, не требовала от правительства столько репрессивных мер, ограничений и административного контроля, сколько Римско-католическая церковь. В этом регионе империи самодержавие столкнулось с политической враждебностью части клира и мирян, различными правонарушениями в области конфессионально-религиозного законодательства и сопротивлением политике русификации.

В силу указанных причин взаимоотношения, которые складывались между государством и православием, с одной стороны, и Римско-католической церковью, с другой, стали средоточием проблем региональной веротерпимости. По масштабам противостояния, длительности, сложности и остроте конфликтов и противоречий, в которых конфессиональные мотивы тесно переплелись с политическими и этнокультурными, эти проблемы имели для российского самодержавия и православия первостепенное значение [16, с.4].

Проведённое исследование позволяет, как нам представляется, сформулировать некоторые конкретные рекомендации для современных органов власти:

1. Государственной власти избегать в своей конфессиональной политике выраженных приоритетов в отношении того или иного вероисповедания;
2. Учитывать при формировании конфессиональной политики исторический опыт церковно-государственных и межконфессиональных отношений;
3. Постоянно совершенствовать законодательную базу в этой сфере;
4. Уточнить теоретико-методологические подходы в определении сущности, структуры, содержания и задач государственной конфессиональной политики и межконфессиональных отношений как социально-политического явления;
5. Включить исторический опыт церковно-государственных и межконфессиональных отношений в спецкурсы по истории религий и религиоведению, в курсы по истории России для исторических специальностей, а также в программы повышения квалификации и переподготовки госслужащих, работающих в этой области.

Список литературы

1. Государственно-церковные отношения в России. Курс лекций / Под ред. Овсиенко Ф. Г. и Трофимчука Н. А. – М.: РАГС, 1995.
2. Бокарев С.Н. Государственно-церковные отношения в России (философско-правовой аспект). Автореф. дисс...канд. филос. наук. – М., 1999.
3. Джораева С. В. Государственно-церковные отношения в России (опыт философско-исторического анализа). Автореф. дисс...канд. филос. наук. – М., 1997.
4. Гаврилин А. В. Очерки истории Рижской епархии. 19 век. – Рига: Филокалия, 1999.
5. Беляева Е. В. Формы социокультурного взаимодействия церкви и государства. Диссертация...кандидата философских наук. – Казань, 2004.
6. Зеньковский В. В. Основы христианской философии. – М., 1996.
7. Цыпин В. А. Вероисповедание // Православная энциклопедия. М., 2004. Т.7.
8. Мартыянов П. К. Характер и специфика международных отношений // Наука и религия в духовных воззрениях общества. Сб. докл. междунар. конф. 25-27 ноября 2006 г. – Одесса: ХГЭУ, 2007.Т.1.
9. Лопаткин Р. А. Конфессиональный портрет России: к характеристике современной религиозной ситуации // www.religare.ru/2_181.html.
10. Гавриленков А. Ф. Политика государственной власти Российской империи в отношении православной церкви, инославных конфессий и авраамических (нехристианских) вероисповеданий в 1721-1917 гг.: периодизация, сущность и принципы, эволюция: автореф. дисс...докт. истор. наук. – М.: МГОУ, 2010.
11. Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. – М.: Новое литературное обозрение, 2010.
12. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т.1.
13. Арсеньев К. К. Свобода совести и веротерпимость. СПб., 1905.
14. Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 125. Д.41.
15. Лукьянов С. А. Веротерпимость как принцип религиозной политики России (XVI–XX вв.). – М.: Спутник, 2007.
16. Бендин А. Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863- 1914). Автореф. дисс...докт. истор. наук. – СПб., 2013.